

рвавшись на излишне говорливого попутчика. Мастерство писателя как раз и проявляется в том, насколько умело Роман Сенчин переплавляет весьма банальный жизненный материал в литературное произведение. Каждый эпизод прописан с максимальным уровнем детальности и полноты. Отточенные фразы, убедительные поступки, объемные характеры создают удивительно реалистичную картину, где проработано все до мелочей — от трепетных порывов души до откровенных подробностей физиологии. Такая достоверность цепляет, удерживает, гипнотизирует, заставляя вместе с героем снова и снова бросаться в тихие омуты ретроспекций. Топкин может показаться неприятным, отталкивающим, малодушным, но его манера перебирать *«свою жизнь, как не совсем свою»* заставляет увидеть в не самом положительном герое нечто родственное. Даже не разделяя его принципы и осуждая его поступки, сложно не признать вместе с ним, что *«если всерьез поверить, что это... единственная жизнь, которая не повторится ни в каком виде, что все, что было, неисправимо, что большая часть этой жизни уже прошла, то можно вполне загреметь в дурку или повеситься от ужаса»*.

Листая страницы романа, тяжело отделаться от невольного вопроса: а при чем здесь вообще Париж? Самокопательную пьянку на одну персону можно устроить где угодно — необязательно даже покидать милый сердцу Кызыл. Постепенно первое впечатление развеивается, и становится понятно, что без Парижа не обойтись. Он нужен, чтобы обманчивое название на обложке затягивало читателя, жаждущего романтики и утонченности, в пучину удушающе откровенного реализма. Он нужен, чтобы показать, как наивные детские мечты задыхаются в миазмах и беспамятстве взрослой жизни. Он нужен, чтобы стать символом мимолетности бытия. Возможно, пяти дней недостаточно, чтобы потрясти мир, но их вполне хватит, чтобы многое понять, переосмыслить, изменить. И все же за эти пять дней в Париже ничего не происходит — они проносятся слишком стремительно, как, впрочем, и вся жизнь...

Александр МОСКВИН

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Сергей Гродзенский. Воспоминания об Александре Солженицыне и Варламе Шаламове. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. — 176 с.

Сергей Гродзенский, известный шахматист и литератор, делится личными впечатлениями о выдающихся писателях, которых знал задолго до того, как к ним пришла мировая известность. Его воспоминания относятся к разным периодам, на что-то он смотрит глазами подростка, где-то как человек, умудренный опытом и намного старше годами, чем Солженицын и Шаламов в пору его общения с ними. Первая часть мемуаров, «Исаич», — рассказ о малоизвестном периоде жизни Солженицына в конце 50-х годов, когда после возвращения из лагеря тот преподавал во 2-й средней школе Рязани физику и астрономию, вел фотокружок. Среди учеников, называвших своего педагога Исаич, был и С. Гродзенский. Цепкая память автора сохранила отдельные эпизоды из школьной жизни, реплики Солженицына, дающие возможность судить о трепетном отношении учителя физики к русской речи и уважительном — к религии. «Говаривал, что люди слишком мало знают о себе, чтобы клеймить Бога». Память автора сохранила и не слишком почтительные оценки, данные преподавателем куми-

рам молодежи К. Симонову и С. Есенину, входящим в школьную программу «Судьбе человека» М. Шолохова и творчеству Горького в целом. Жизнь Солженицына за школьным порогом была неведома школьникам, но они знали о его увлечениях: футбол, теннис, туристические походы, особенно велосипедные. И не догадывались, что их школьный учитель уже работает над повестью «Один день Ивана Денисовича». В памяти автора встает образ не пророка, писавшего «Как нам обустроить Россию» и, кажется, знающего, как обустроить весь мир, а сорокалетнего наставника, обладавшего огромным педагогическим талантом, учиться у которого было подлинным счастьем. А еще человека, способного ошеломить своими суждениями, например, советом выбирать профессию, которая пригодится, если попадешь в тюрьму! «Я тогда не сказал учителю, что те же самые соображения были и у моего отца — философа по образованию, много хлебнувшего в лагере горя из-за своей гуманитарной профессии». (Позднее, когда Солженицын собирал материал для «Архипелага ГУЛАГ», его заинтересовала судьба Якова Гродзенского, ветерана Воркутлага и Карлага, он познакомился с отцом своего ученика, и один факт из жизни Я. Гродзенского попал в книгу.) Вообще о двенадцатилетнем рязанском периоде Солженицына и сам писатель, и его биографы говорили неохотно, тем ценнее воспоминания С. Гродзенского. Отношения ученика с педагогом имели продолжение: С. Гродзенский передавал Солженицыну в Рязань из Москвы материалы для очерков «Бодался теленок с дубом», которые приносила к поезду Е. Чуковская. После высылки писателя из СССР в 1974 году диссертацию С. Гродзенского из-за знакомства с Солженицыным несколько лет не принимали к защите. Под колпаком оказались все бывшие ученики 2-й рязанской школы, но никто из них не участвовал в травле учителя. Другой герой воспоминаний — Варлам Шаламов, близкий друг отца автора. Вместе одно время они учились на юрфаке Московского университета, оба входили в антисталинскую оппозицию. 13 апреля 1929 года Шаламова арестовали за распространение «Завещания В. И. Ленина». Ровно через шесть лет первый раз «взяли» и отца автора. И В. Шаламову, и Я. Гродзенскому вменялась в вину «КРТД» — контрреволюционная троцкистская деятельность, хотя убежденными троцкистами они не были. Оба реабилитированы в хрущевское время и в середине 50-х годов случайно встретились на Тверской улице Москвы. С тех пор поддерживали дружеские отношения. Сам С. Гродзенский виделся с Шаламовым всего несколько раз, но зато много знает о помощи своего отца другу. Так, Я. Гродзенский достал медицинскую справку, благодаря которой Шаламова, вследствие побоев в лагере терявшего координацию движений и плохо слышащего, не забирали, принимая за пьяного, в милицию, а оказывали ему медицинскую помощь; выхлопотал Шаламову пособие — пенсию в 72 рубля. В заключение С. Гродзенский размышляет об очень непростых взаимоотношениях писателей-классиков и причинах их разрыва, о том, что разделяло их, когда, казалось бы, все должно сблизать убежденных антисталинистов: и лагерное прошлое, и непримиримость к тотальному насилию. Сопоставляя творчество двух бывших лагерников, автор замечает, что Солженицын воевал с советской властью, а Шаламов — с мировым злом, что в отличие от Александра Исаевича, находившего материал о 20-х и 30-х годах в опубликованных источниках, Варлам Тихонович все испытал на собственной шкуре. И если автор «Одного дня Ивана Денисовича» считал, что во многом благодаря ГУЛАГу он стал писателем, то Шаламов, напротив, был уверен, что опыт тюрьмы в нормальной человеческой жизни непригоден, и в средоточии страданий, в колымских лагерях, происходит не очищение, а растление человеческих душ. Личное общение с писателями приводит автора к выводу, что их различие проявлялось не только в творчестве, и в мировоззрении — религия, национальный вопрос, но даже в увлечениях. В этой книге приводятся не только ранее

неизвестные факты из биографий равновеликих, как подчеркивает автор, известных писателей, но и факсимиле документов, писем, переписка В. Шаламова и Я. Гродзенского с 1962-го по 1971 год, наброски воспоминаний Шаламова о Я. Гродзенском.

**Ровесница века. Воспоминания Ц. Л. Янковской. Публ. Т. Янковской.
СПб.: Наука, 2018. — 207 с.**

Откровенный, искренний рассказ о жизни, полной радостей и печалей, надежд и крушений, подъемов и падений. В одной судьбе — яркое отражение событий, происходивших в России и Советском Союзе в XX веке. Циля Львовна Янковская (1901—1996) родилась в бедной семье на белорусском хуторе из двух домов, а стала известным физиологом, кандидатом наук, работавшим с перерывами с 1930-го по 1959 год под руководством академика Л. Орбели. О хуторе — воспоминания радостные: большая дружная семья, сельские заботы, пляски и песни под гармонь с молодежью, приходившей на уборку урожая. Когда девочке исполнилось тринадцать лет, родители переехали в Гомель, чтобы дать ей и ее сестре образование. Учебу приходилось периодически пропускать и наниматься на поденную работу, чтобы внести плату за обучение. «Но вот грянула Октябрьская революция. Ее лозунги вошли в мою плоть и кровь. ...Я вдруг оказалась инициативной и изобретательной. Борьба со всем, что мешало победе революции, стала целью моей жизни». И жизнь закипела. Вместе с группой единомышленников она организовала трудовую школу-коммуну, выращенную сельхозпродукцию сдавали в детские дома, учиться пытались по энциклопедии Брокгауза и Евфрона. Циля вышла замуж совсем юной за педагога, присланного в коммуну, Рафаила Янковского. Муж стал крупным партийным пропагандистом, вместе они исколесили всю страну: Белоруссия, Россия, Украина, Казахстан. И если сначала перемещались по велению партии, то в 1935 году на строительство ТЭЦ в Балхаше в Казахстане поехали по желанию мужа — как и по всей стране, в вузах, где Р. Янковский заведовал кафедрами философии, поднялся «вал взаимных разоблачений». Участвовать в этом Р. Янковский не хотел. Не спасло. В марте 1937 года его арестовали, в 1938 году расстреляли. Ц. Янковская вернулась с детьми в Ленинград, арестовали и ее как жену врага народа, но вскоре выпустили, как она полагает, по ходатайству академика Л. Орбели. Виденное в тюрьме, продолжающиеся аресты знакомых побудили ее написать заявление на имя начальника Управления НКВД в Ленинграде со своими выводами: в НКВД в общегосударственном масштабе происходит крупное вредительство. Дальнейшему развитию событий помешало начало войны с Финляндией. Продолжение последовало в 1951 году: арест за довоенное письмо, длительное следствие, обвинение в «недоверии власти и правосудию» и десять лет лагеря с поражением еще на пять лет. В 1952 году Янковскую направили в Карлаг в Казахстане, где она пробыла до апреля 1955 года. Подробно рассказано о тюремном быте, о допросах, о лагерной жизни. И о мытарствах большой семьи, сумевшей выбраться из блокадного Ленинграда. В неожиданном свете предстает атмосфера 20—30-х годов: молодая семья в окружении друзей и знакомых, усердная, на износ, работа и веселое житие, которому не мешали бытовые и продовольственные трудности. Воспоминания высвечивают личность их автора, человека неумной энергии и конкретных дел. В Гомеле Ц. Янковская работала в библиотеке и в городском профсоюзе, не завершив среднего образования, сумела подготовиться к поступлению в институт, окончить биофак и аспирантуру, преподавала физиологию в школе и техникуме Днепропетровска, организовала подготовительные курсы для 15 тысяч рабочих крупнейших заводов Ленинграда

и добилась, чтобы всех приняли в вузы, в Балхаше почти с нуля создала местную систему образования, в годы войны в Казани работала в госпитале с фронтовиками, получившими черепно-мозговые ранения. Активная деятельность не прекращалась и в заключении. Ц. Янковская отказывалась от предложений «сотрудничать» в обмен на «хлебное» место. «Потому что как всем, так и мне». Работала в поле, выпускала стенгазету, зимой вела курсы агротехники для молодых заключенных. Через два года лагерной жизни нашла счастливый для себя приют — метеостанцию и, изучив архив за много лет, написала научную работу о локальном климате района. И всегда помогала другим, не боясь и выдвигать требования тюремному или лагерному начальству. Обо всем Ц. Янковская рассказывает детально и ярко. А еще — о людях, с которыми сводила ее судьба, о родных, друзьях, сослуживцах, товарках по несчастью, заключенных. «Каждый человек и в лагере, и в тюрьме — это живая драма. Особенно горькое чувство вызывали молодые, в расцвете сил, а многие — и красоты». Среди заключенных были и жены «врагов народов», и оклеветанные ради квартир, посаженные за неосторожные слова, уголовницы и ярые антисоветчицы. Пестрый интернациональный контингент. Достойных больше, чем недостойных. Она постоянно кого-то опекала, со многими поддерживала связь и после выхода на свободу. Особенно трепетно она, едва не потерявшая дочь во время первого тюремного заключения, относилась к детям. В ее доме всегда жили чужие, обычно обездоленные, несчастные дети, осиротевшие по воле карательных органов, во время блокады и эвакуации. В воспоминаниях Ц. Янковской трагические события удивительным образом не затмевают и шедшие в стране созидательные процессы в образовании, науке, медицине, индустрии, в которых с энтузиазмом участвовало ее поколение. Воспоминания дополняют размышления Т. Янковской, публикатора воспоминаний и внучки их автора, о судьбе бабушки и о причинах репрессий.

Марина Бобрик. Проза Осипа Мандельштама «Холодное лето» (1923).

Языковой комментарий. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 224 с., ил.

Книга написана в редком жанре языкового комментария, в котором лингвистический анализ на всех уровнях: морфологии, синтаксиса, семантики, орфографии и пунктуации — взаимодействует с филологическим анализом истории текста, его редактирования и издания. Предмет исследования — короткая проза Осипа Мандельштама «Холодное лето» (1923). Впервые текст напечатан в журнале «Огонек», только что возобновленном после революционных и военных лет. На советском материале издатели хотели, сохраняя преемственность с дореволюционным «Огоньком», создать массовый иллюстрированный еженедельник по современным западным образцам. В начале 20-х годов Мандельштам публикует там ряд текстов — прозу и стихи. В известной мере сотрудничество в «Огоньке» и в других массовых изданиях было вынужденным: доступ в редакции московских и ленинградских литературных журналов для поэта был закрыт. В то же время журнал был рассчитан на широкую аудиторию, в такой аудитории нуждался в тот момент Мандельштам в своем порыве найти общий язык с «веком». В духе «физиологического очерка» Мандельштамом создан ряд текстов («Сухаревка», «Генеральская», «Пивные»). С «Холодным летом» их объединяет только место действия — Москва, так как в «Холодном лете» на первый план выступает время. Лирический тон этой прозы проявляется в ее построении, ритмике, звучании, языке. Реалии комментируются минимально, в той мере, в какой это необходимо для обсуждения языка. Топографические привязки Москвы: пыльное урочище

«Метрополия», белые скворечники Кремля, каторжный двор ВХУТЕМАСа. Иногда пояснять приходится «мелкие привычки города» или канувшие в Лету обыденные вещи, такие, как пролетка, соломенная кошелка. Этот небольшой текст включен во все собрания сочинений Мандельштама, но, считает историк языка русского языка Марина Бобрик, остается непрочитанным. Несмотря на кажущуюся близость к современной языковой норме, язык прозы Мандельштама все-таки отличается от современного литературного языка. «Даже при чтении текстов XX века, не говоря уже о более ранних, мы нередко попадаем в ловушку языковых aberrаций — не чувствуем или не знаем, что слово, выражение, конструкция изменили значение, и понимаем их в привычном нам, нынешнем смысле, понимаем неверно». В тридцати восьми предложениях (787 слов) автор выделяет сто двадцать точек, в которых комментируются собственно языковые явления. На каждом шагу читатель сталкивается с неожиданностью. Например, что такое трамвайные передышки или трамвайные уборные? В 1920-е годы пояснять это не было необходимости. Произошел сдвиг значения слов голоножка, сирена, башмачки, потрясенный, лапчатый, мы прочитываем их по-другому. Автор соотносит употребленные поэтом слова и обороты с общепринятыми нормами его времени и новыми смыслами, объемом наполняет вроде бы обыденные обороты речи, такие, например, как «рыжий как пожар». Она проясняет, почему из нескольких вариантов: покуда/пока, явь/реальность, следы старины/пережитки прошлого — Мандельштам выбрал именно то слово, которое мы видим в тексте, и как от каждого слова, а порой и предлога, знака препинания зависит общий смысл фразы. Один из первых опытов прозы поэта, «Холодное лето», органично связан с творчеством стихотворным. И М. Бобрик протягивает нити от очерка «Холодное лето» к стихам Мандельштама, другим его прозаическим произведениям: употребление одних и тех же слов, словосочетаний, контексты, в которых они встречаются, вариации смыслов. Рассматривает и то, как аналогичные обороты использовали другие авторы, классики XIX века и современники Мандельштама. Она отмечает отголоски текста Батюшкова «Прогулка по Москве» (1811) в очерке Мандельштама, придающие многозначность названию, «Холодное лето», переключки со стихотворением Барбье, написанном к годовщине другой революции — Великой французской. «Медленное чтение», в которое М. Бобрик вовлекает читателя, позволяет не только по-новому прочесть этот текст, но и открывает перед читателем яркую картину жизни русского языка 20-х годов. В основу анализа взят текст первой и единственной прижизненной публикации в журнале «Огонек». Факсимиле номера «Огонька», где текст Мандельштама впервые увидел свет, дает яркое представление о журнальном контексте «Холодного лета». В книге много иллюстраций, дополняющих текстовой комментарий: фотографии Москвы 20-х годов и ее тогдашних обитателей, кадры из кинофильмов. Опыт лингвистического комментария себя оправдывает — и как экскурс в язык эпохи, и как подспорье в интерпретации мандельштамовского текста.

Юлия Андреева. Откуда приходят герои любимых книг. Литературное зеркальце. Живые судьбы в книжном отражении. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2018. — 542 с.

Откуда приходят герои любимых книг? Из мифов, легенд, исторических преданий, а еще они являются отражением характеров и судеб реальных людей. Обо всем этом и рассказывает Юлия Андреева в своих разновеликих очерках, посвященных книгам более сотни писателей. В книге две части: в одной собраны произведения, которые принято относить к литературе детской, во второй — предназначенные для людей

постарше. Расположены произведения по году написания или издания. А начинается рассказ со сказки «Золушка», в основу которой лег так называемый «бродячий сюжет», пришедший к нам из Древнего Египта на сохранившихся папирусах VI века до н. э. И выходит, что одна из первых Золушек — египтянка греческого происхождения (в Греции, как известно, все есть). О том, как фараон женился на хрупкой Родопис благодаря парной сандали, рассказывали древнегреческие историки Геродот и Страбон. «Бродячих сюжетов» в литературе немало. Обращаясь к одному и тому же сюжету, авторы перекраивали его на свой лад. Например, о подвигах самого правдивого барона Мюнхгаузена писал не только Распе. Ю. Андреева рассказывает и о других литературных произведениях, Мюнхгаузену посвященных, о карьере барона, человека реального, при русском дворе. Исторических экскурсов немало, и по ним видно, какие трансформации происходят с реальными людьми под пером литераторов. Так, французский маршал Жиль де Рэ, телохранитель и почитатель Жанны д'Арк, в глазах общности сделался маньяком и серийным убийцей и был казнен. А все потому, что Карл IX завидовал его богатству. Нам Жиль де Рэ известен как «Синяя Борода». А Маргарита Тирольская, героиня романа Фейхтвангера «Безобразная герцогиня», по свидетельству ее современника была очень красивой женщиной. Конкретные люди часто становятся прототипами литературных персонажей. Иногда подобное отражение достаточно отчетливо: за Григорием Мелеховым в «Тихом Доне» Шолохова стоит Харлампий Ермаков, уроженец хутора Антипов станицы Вешенской; официальный прототип Сани Григорьева («Два капитана» В. Каверина), Самуил Клебанов, знал, что по материалам его жизни будет написана книга, и дал на это свое согласие. Летчик Алексей Маресьев стал героем «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Похоже, даже старик Хоттабыч — лицо историческое. Не просто же так в Иерусалиме есть площадь знаменитого Старика, которую показывают русским туристам. Патина времени покрыла многие прообразы литературных героев, и то, что было внятно современникам книг, нам неведомо. Кажется, что нового можно узнать о истории деревянного мальчика Буратино? Ю. Андреева доказывает, что А. Толстой, намереваясь перевести сказку К. Коллоди, вместо этого написал другую историю, и подробно анализирует отличия в сюжетах, в героях двух текстов, дает пояснения, ненужные взрослым читателям 1936 года — года, когда книга вышла. Так, Карабас-Барабас писан с Мейерхольда, который славился в свое время как самый злобный и авторитарный режиссер. По мнению Станиславского, для Мейерхольда актеры — почти неодушевленные предметы, глина, из которой можно что-то слепить, куклы. Характерная примета Карабаса-Барабаса — невероятно длинная борода, конец которой он засовывал себе в карман, чтобы не наступать на нее, переключается с длинным шарфом Мейерхольда, чей конец он также постоянно прятал себе в карман. После революции Мейерхольд везде носил с собой маузер и во время репетиций или застольных чтений пьесы выкладывал оружие перед собой на стол. Разве не аналог знаменитой плетки Карабаса-Барабаса? Существует несколько версий, кто был прототипом Дуремара, Мальвины, а вот Пьеро угадывался точно — А. Блок. Ю. Андреева расшифровывает, кто стоял за героями произведений М. Булгакова, от кого Ильф и Петров заимствовали ставшие крылатыми выражения и кто же такая Эллочка-людоедка с лексиконом в тридцать слов. Рассказывает о событиях и о людях, которые спрятаны под масками в произведениях В. Катаева, в первую очередь в книге «Алмазный мой венец». Много страниц посвящено русской классике: современники Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Тургенева, Льва Толстого, ставшие прототипами произведений будущих классиков, реальные судьбы этих современников, отношения, которые их связывали с писателями. У этой книги не может быть конца, пока существует литература, считает

автор. Один из последних очерков посвящен делам недавним, повести Е. Лукина «Танки на Москву», впервые опубликованной в журнале «Нева», в № 2 за 2009 год. В этой, во многом автобиографической повести рассказывается о событиях на Кавказе 1996 года.

Петр Романов. Россия и Запад на качелях истории: От Рюрика до Екатерины II. СПб.: Пальмира, М.: Книга по Требованию, 2017. — 447 с. — (Серия «Загадки истории»).

В предисловии писатель, публицист Петр Романов пишет: «Отношения России и Запада никогда не были ни равными, ни простыми. Периоды сближения неизменно чередовались с периодами охлаждения и даже враждебности. При этом Запад обычно ставил в упрек „варварской“ России нищету материальную, а русские обвиняли „варварский“ Запад в меркантилизме и нищете духовной. Этому спору о главном, то есть о жизни и душе, уже много веков, и непохоже, что он закончится завтра. Между тем за очередным отливом обязательно следовал прилив, и русские, догоняя прагматичную Европу, а позже и североамериканцев, начинали перенимать западные изобретения, комфортный быт и отчасти идеи. Не всегда последовательно и не обязательно толково. В свою очередь западные интеллектуалы, стараясь разобраться в „загадочной“ русской, а заодно и в своей собственной душе, зачитывались Достоевским и Чеховым, а наиболее смелые из них даже пускались в путь по убийственному лабиринту российской общественной мысли, пытаясь, чаще всего безуспешно, проникнуть в противоречия русских интеллигентов. Со временем сама жизнь подсказала, что Россия и Запад во многом дополняют друг друга. ...Внимательный анализ нашей общей истории свидетельствует, что взаимное влияние гораздо значительнее, чем это обычно предполагают русский и западный обыватели». Остроумно, легко автор пишет и о курьезном, и о серьезном, подчас сознательно забытом в отношениях России и Запада. Приводит множество любопытных фактов, ярких цитат, обнаруживает несоответствия между принятой точкой зрения и действительностью, удостоверенной документами. Развеивать устоявшиеся мифы начинает с варягов как крупного исторического недоразумения: не на престол новгородцы звали варягов, а лишь для дозорной службы как наемников, обычных «солдат-контрактников». Другой распространенный миф: «окно», которое Петр Великий «прорубил в Европу». Хотя задолго до Петра имелись «двери»: в Киеве, Новгороде, Полоцке и Смоленске, Архангельске. И если какая-то из них на время захлопывалась, открывалась очередная «дверь». Причины разрывов бывали разные: монгольское нашествие, стремление русских ограничить католическое влияние, «стратегия сдерживания» Московии со стороны Литвы, Польши и немцев, боящихся усиления восточного соседа и закрывавших путь в Московию товарам военного значения и нанятым иностранным специалистам. Но слишком велики были взаимные интересы: европейцев привлекали новые рынки сбыта, а начиная с XVIII века и возможность использования русских солдат, а русских — западные технологии. Характерно: во времена Ивана Грозного Англия, переживавшая экономический кризис, пошла на сотрудничество с Москвой вопреки отчаянным возражениям польского короля Сигизмунда. П. Романов последовательно рассматривает отношения Россия—Запад при разных правителях. И если, считает он, внешняя политика Московского государства появилась во времена Ивана III, то при Иване IV Москва уже умело играла на противоречиях между различными европейскими странами, а начиная с Петра I русское влияние на жизнь Запада стало постоянным фактором. Впервые после Петра дипломатическую инициативу, да еще в общеевропейском масштабе, взяла на себя

Екатерина Великая. Рассказывая об интересе к иностранцам, а иногда и откровенной расположенности к Западу отечественных правителей, автор отмечает, что руководство они принципом: Запад для России, а не Россия для Запада. Отдельная проходная тема — иностранное присутствие иностранцев в России, их роль во времена Ивана III, Смуты и особо — в эпоху переворотов XVIII века, когда за влияние на русский престол разгорались жесткие посольские войны и в ход шли взятки, подлог, даже спальня императрицы. Другая проходная тема — информационные войны, завязавшиеся в XVIII веке как реакция на геополитические успехи петровской России, что породило во многих европейских столицах страх перед «русской угрозой». Тогда же и русские делают в этой войне первые ответные пропагандистские залпы, и очень удачно. К грязным политехнологиям относятся и выдуманные «потемкинские деревни» — реакция европейских держав на присоединение Крыма к России. Автор рассказывает и о том, как приживались на русской почве прибывавшие с Запада идеи и как они трансформировались (первая ересь — так называемые стригольники, «жидовствующие», в XVIII веке — масоны, беженцы-иезуиты, французские философские воззрения). Размышляет он и об особенностях реформирования в России. Столетиями Россия не эволюционирует, а движется рывками, что неизбежно, потому что отставание идет не от бездарности или реакционности, а лишь потому, что надорванные народные силы, утомленные предыдущим рывком, требуют отдыха. П. Романов считает, что как генная цепочка влияет на здоровье, так и историческая цепочка оказывает немалое влияние на нашу жизнь, определяя позицию человека по той или иной проблеме. И лучше знать правдивую, не мифологизированную версию.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)